

УДК 947.054.8(571.53)(=91.85)+05/07(571.53)

**СМИ Приангарья в начале XXI в.
и тенденция ревизии исторического процесса
формирования и развития
польского этнического компонента региона:
актуальные задачи научного анализа**

Б. С. Шостакович

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Статья представляет первый в историографии анализ публикаций в СМИ Приангарья (2000–2011 гг.) по проблематике сибирско-польской истории, содержащих прямолинейные шовинистические трактовки последней и откровенную направленность на фальсификацию и пересмотр базовых ее положений. В указанном контексте подчеркивается возрастание актуальности вопросов, длительное время рассматривавшихся историографией в качестве периферийных теоретико-академических проблем. Ныне они приобретают совершенно новую содержательную значимость в качестве объектов специальных тематических исследований. Указываются и кратко аннотируются 5 крупных исследовательских направлений, а также ряд внутренних подтем – в рамках последних.

Ключевые слова: СМИ, Приангарье, сибирско-польская история, польский этнический компонент населения Сибири, тенденция ревизии истории формирования и развития польских этногрупп в составе населения сибирских регионов.

До настоящего времени внимание большинства авторов специальных научных разработок по проблематике современного состояния национальных отношений в восточносибирском регионе в основном сосредоточивается на актуальных вопросах новейших миграций сюда иностранцев. Как правило, ведется изучение притока (в значительной мере, – нелегального) выходцев из сопредельного с Россией геополитического пространства (Китай, а также постсоветские регионы, среднеазиатский и кавказский) за последние 10–15 лет. Актуальность подобной тематики закономерно мотивирована как реально возникающими разного рода конфликтными, негативными проблемами на локальном микроуровне, так и во многом гипотетическими сценариями макроуровневых глобальных этнополитических катастроф на пространствах восточной части России (в связи с так называемой желтой, или восточной, «уг-

розой» массовых этнических перемещений-вторжений в Россию). Характерным примером такого рода исследований может служить одна из монографий известного специалиста по указанной проблеме профессора Иркутского государственного университета В. И. Дятлова [3], наряду с его многочисленными иными публикациями на ту же тему.

Между тем реальную проблематику межнациональных отношений в регионе образуют далеко не одни лишь внешние, но также и объективные внутренние составляющие. Совершенно естественно, что эти последние определяются не «пришлыми этническими чужаками», но оседлым местным полиэтничным населением сибирского региона, исторически сформировавшимся и продолжающим свою общественно-культурную эволюцию в современных условиях (в том числе, и на территории Иркутской области). Отсюда и вытекает задача обеспечения научного мониторинга межнационального «климата» во «внутренней» среде постоянного населения региона. Данная задача приобретает особенную актуальность в ситуации, когда местное население региона Приангарья, как и на всем обширном пространстве современного Российского отечества, находится в закономерном процессе осмысления и постижения основ и принципов нового, демократического гражданского общества вместе с накоплением опыта его повседневной деятельности.

На взгляд автора данного очерка, причины того, что проблеме недостаточной осведомленности современного сибирского общества об истории формирования и развития полиэтничного оседлого населения в регионе до сих пор не уделялось серьезного внимания специалистами-исследователями – вполне прозаичны, в некотором смысле даже конъюнктурны. Очевидно, что до самого последнего времени местным обществоведам характер межэтнических отношений в обширном сибирском пространстве виделся в весьма позитивном, подчас даже «розовом» свете: как едва ли не беспроблемный. Действительно, в сравнении с иными территориями России и постсоветского зарубежья, где после разрушения СССР национальные противоречия приобрели весьма драматичные проявления (от кровавых национальных войн до формально мирного, но в сущности попирающего все общепризнанные гуманитарные нормы «бытового апартеида»: по национально-языковым, социально-культурным и т. п. критериям) ситуация в прибайкальском регионе выглядела вполне спокойной и цивилизованной. Ее сущность и внутренняя специфика не только не изучались серьезно, но и расценивались достаточно упрощенно, с явной идеализацией.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы привлечь внимание научной общественности к новейшим тенденциям в интерпретировании местными СМИ вопросов очевидного классического тематического историко-культурного и этноконфессионального содержания, непосредственно связанных с процессами формирования и развития полиэтничной среды региона. Указанные тенденции проявились в явно подстрекательских и на протяжении уже без малого полутора десятка последних лет неизменно все более усиливающихся в региональных средствах СМИ подобных атаках. Как правило,

поводом для них становится та или иная историческая веха либо научно-просветительное достижение из сферы, условно называемой «историей поляков в Сибири». Данное название, в научном отношении не до конца корректное, но вполне доходчивое для общего дилетантского восприятия, обозначает все поле исторических обстоятельств появления и пребывания в регионе заметного контингента выходцев из обширного пространства бывшей Речи Посполитой. Нет необходимости пояснять, что подобные систематические агрессивнo-пропагандистские вылазки в местных СМИ не могут не оставить своего отрицательного следа, обостряя и разрушая давно сложившуюся общую этнокультурную атмосферу взаимоотношений, придавая ей негативную направленность. Это побуждает автора очерка осветить всю проблему комплексно и параллельно наметить на ближайшую перспективу наиболее, с его же точки зрения, необходимые задачи ее изучения, привлечь к ним принципиальное внимание научной среды.

Непредвзятые и, по мере возможности, объективные наблюдения общественной жизни в восточносибирском регионе (как, впрочем, и в иных частях Сибири) позволяют выявить и проследить характерные тенденции, относящиеся к интересующей нас теме. Так, еще в пору проведения в 2000 г. Дней польской культуры в Иркутской области и Международной научной конференции на тему «Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы», приуроченных к тогдашнему 10-летию деятельности Польской культурной автономии (ПКА) «Огниво» («Звено»), в Иркутске впервые были устроены публичные провокационные вылазки не пожелавшими раскрыть свои имена лицами (в то время они выступали под символикой и в русле риторики так называемых лимоновцев).

В то же время последовала и соответствующая публикация в местной газете «Русский Восток», открыто пропагандировавшей экстремально-шовинистские взгляды. Ее автор – общественный деятель и идеолог националистического толка А. Турик (укрывшийся за псевдонимом *А. Степанов*) претенциозно вынес в качестве заглавия риторический вопрос: «Обойдемся ли без Минина и Пожарского?» [5]. Тем самым естественные процессы объективного изучения и освещения в начале XXI столетия межэтнических научно-культурных взаимоотношений, сопряженных с происхождением их представителей из исторических регионов бывшей Речи Посполитой в демократическом плюралистическом полиэтничном российском обществе (в том числе и сибирском как составном его компоненте), оказались провокационно приравнены к исторической характеристике и масштабу русско-польского военного столкновения начала XVII в., когда действительно была поставлена на карту судьба русской государственности. Автор данного обзора полагает, что в будущем было бы отнюдь не лишне и даже поучительно заняться более подробным научным анализом указанных параллелей с теоретико-методологической точки зрения.

Тогда же один из идеологов и пропагандистов названного печатного органа выступил с позиций публичного «размежевания» всего местного населения

региона по конфессионально-политическим критериям. Эта неблагоприятная акция сопровождалась категоричным утверждением постулатов, сеющих национальную рознь и «аргументируемых» доводами, с научной точки зрения абсолютно недобросовестными и потому не рассматриваемыми здесь специально.

Вслед за этим выявившиеся разногласия католической и православной церковных иерархий (в связи с решением Папы Римского Иоанна Павла II об учреждении в России ряда постоянных епархий взамен действовавших до этого в качестве временных структур католической церкви, так называемых апостольских администратур, включая и епархию Святого Иосифа, с центром в Иркутске) были немедленно превращены шовинистически настроенной средой в поводы для подстрекательств продолжения еще более шумной огульной кампании нападков и оскорблений в адрес польского (или же имеющего национальные польские корни) населения Иркутской области. Все тот же в рассматриваемую пору главный рупор местного национал-экстремизма «Русский Восток» под пером своего идеологического вдохновителя А. Турика перешел к адресным выпадам против региональной полонийной диаспоры. Указанная газета объявила ее «обманом русских людей», «польско-католической агентурой», ведущей «экспансию» с целью «разрушения внутреннего русского национально-православного единства» и «подчинения России Западу». Не удовлетворившись этим, пропагандисты местного русского шовинизма даже потребовали «закрытия польского консульства» в Иркутске (в действительности тогда еще только велась подготовка к созданию такого в столице Восточной Сибири). В качестве умозрительной ему альтернативы выдвигалось «сербское консульство», которое, по выражению доморощенных «геополитиков» из «Русского Востока», было бы «гораздо логичнее открыть». Таким образом, местные национал-патриоты взялись за возрождение славянофильско-патриотической риторики эпохи имперской России в канун Первой мировой войны.

В приведенных фактах уже можно обнаружить явные признаки развития и упрочения с начала 2000-х гг. в главном центре региона националистической пропаганды в надуманной парадигме «свой – чужой». При этом таковая не только шла вразрез официально действующим конституционным нормам РФ, но и была абсолютно новой и непривычной в местной общественно-идеологической практике после предшествующего длительного периода доминирования советской идеологии и неоспоримого утверждения и поддержания интернационалистской позиции. Совершенно очевидно, что начавшаяся пропаганда нацеливалась на внедрение в массовое сознание определенных ксенофобно-ретроградных шовинистских клише, как и то, что данную подстрекательскую деятельность поддерживала (не исключено, что и определяла) достаточно прагматичная и финансово обеспеченная среда, предпочитавшая оставаться при этом в тени. Столь же характерно, что уже с отмеченной поры начались *выражения откровенного стремления к ревизии всего культурно-исторического контекста сибирского региона, в том числе и польской его составляющей.*

На протяжении более чем десятилетия, последовавшего за вышеизложенным, в рассматриваемой проблематике неуклонно нарастала политическая направленность и соответствующее фальсифицирование конкретного фактического материала, относящегося к этнокультурным процессам в Сибири в историческом прошлом, а как концентрированное конкретное их выражение – преимущественно по отношению к их польской составляющей.

Так, накануне 20-летия деятельности Иркутской Польской национально-культурной автономии (ПКА) «Огниво» эта общественная организация, давно и позитивно зарекомендовавшая себя в восточносибирском регионе многообразной деятельностью культурного, научного, просветительного характера, неожиданно подверглась атаке одной из местных телевизионных компаний. Ее сотрудник распространил информацию (якобы, из «достоверных источников»), бросающую тень на указанную организацию в общем контексте деятельности Генерального консульства РП в Иркутске, быстро перекочевавшую и в ведущую областную газету [6; 7].

Цель указанной «информации» может быть воссоздана в двух версиях. Согласно первой, весьма возможно, что иркутские «папарацци» приняли лично для себя немудреную схему. Поскольку в риторике представителей высшего руководства России и Польши в рассматриваемую пору стали проskalьзывать взаимные претензии, то, по разумению этих угодливых служителей СМИ, и в «прибайкальской периферии» также надлежало без промедления откликнуться в соответствующем тоне.

Не обременяя себя мало-мальским соблюдением приличий в преподнесении сюжета, упомянутые «труженики репортерского цеха» проявили готовность к раздуванию скандала из крайне недобросовестных сплетен с целью подрыва имиджа современных российско-польских отношений – как непосредственно в регионе, так и клеветы на них не только в масштабах Сибири, но и за ее пределами. По другой версии, не менее вероятно (соответственно, еще опаснее и хуже!), что это было послушно исполненным чьим-то подстрекательским заказом. В любом случае, общественная суть данной акции выглядела откровенно неприглядно.

Справедливости ради нужно заметить, что по степени негативной интерпретации той же темы рассмотренные материалы оказались превзойдены «экзерсисами» вокруг нее в той же самой газете, которую старшее поколение иркутян привыкло воспринимать с уважением. Очередной опус, размещенный в этом, казалось бы, далеко не «желтом» органе прессы, тем не менее продемонстрировал совершенно вызывающий по бесцеремонности и развязности тон, в котором, с откровенной пристрастной назидательностью, оказалась «вынесена категоричная оценка» ...деятельности дипломатического представительства суверенного государства – Генерального консульства Республики Польша в Иркутске [8].

Достаточно показательным, что признание автором этой последней из рассматриваемых публикаций, назвавшимся неким «журналистом Шибановым» (судя по всему, – это псевдоним реального автора указанного текста. – *Б. Ш.*)

общеизвестного и вполне очевидного по сути научного заключения о том, что имена многих из польских политических ссыльных «ученых, просветителей и преподавателей навек заняли свое место в истории Иркутской губернии», тут же тот же самый автор дополнил следующей сентенцией: «им волей-неволей пришлось забыть про шляхетский гонор и даже послужить интересам своей новой отчизны» (sic в тексте статьи. – *Б. Ш.*) [8]. Кого же «журналист Шибанов» удостоивает подобной двусмысленной аттестации среди «занявших свое место в истории Иркутской губернии»? Неужто Б. Дыбовского, Я. Черского и иных их же коллег? В таком случае позволительно спросить, чего больше в цитируемом высказывании данного, с позволения сказать, журналиста: слабого ли владения предметом изложения по причине собственного дилетантизма, либо намеренно циничного глумления над сутью давней и общепризнанной исторической истины? Еще примечательнее, что в ряду упреков, адресуемых все тем же «журналистом» Генконсульству РП в Иркутске в связи с будто бы недостаточной успешностью, по утверждению этого самозваного «эксперта от местных СМИ», в установлении практических контактов Польши с регионом, он осуждает консульское учреждение за его регулярные связи с «польскими национально-культурными обществами» и «нешироким кругом польских диаспор» [8]. Высказывание «журналиста» выглядит так, будто относится оно не к его землякам по региону. Едва ли есть необходимость уточнять, что именно то самое, все упомянутое цитируемым критиканом от журналистики региональное польское национально-культурное общество на момент появления рассматриваемой публикации уже как двадцатый год несло своего рода миссию «звена народной дипломатии» (именно так, в наследование дореволюционной традиции, и была названа указанная организация, возрожденная в 1990 г., – «Огниво»; по-польски это как раз и означает «Звено»!) в установлении и укреплении самых разнообразных и широких связей между Польшей и Приангарьем. Ведь отнюдь не случайно та самая газета, что опубликовала анализируемые здесь безнаказанные выходки «журналиста», до известного времени довольно регулярно и объективно освещала деятельность упомянутого национально-культурного общества. И делала это неизменно в совершенно благожелательном тоне, далеко от предпринятой «журналистом Шибановым» дискриминационной аттестации активистов известного национального центра в качестве «диаспорных» маргиналов! В более развернутой форме критические возражения по поводу рассмотренных выпадов «журналиста Ш-ва» были высказаны пишущим в соавторстве с коллегой по общественной деятельности в ПКА «Огниво» [10], но этот «мастер бойкого пера» отмолчался в ответ.

В итоге вырисовывается весьма удручающая картина. Псевдожурналист (в редакции газеты, поместившей его публикацию, пишущему эти строки пояснили, что публициста с подобным именем и фамилией на самом деле не существует!), укрыв собственное имя, безнаказанно допустил извращения вполне очевидных фактов по их сути и позволил явные бестактности, непри-

емлемые для цивилизованного ведения публичных дискуссий, тем более в сфере международных, межнациональных отношений.

Не менее негативная, хотя и несколько иного рода тенденция освещения этнонациональной ситуации в регионе неожиданно обнаружилась в тематическом альманахе, реализованном Администрацией Иркутской области, казалось бы, в поддержку интересов региональных национальных центров и движений. Однако приглядимся: что же писалось на страницах этого достаточно специфичного по жанру издания?

Журналист из Шелехова Александр Беляев в весьма восторженной рецензии на 1-й выпуск альманаха (во 2-м выпуске такового же) изрекает буквально следующее: «Этот альманах как раз и говорит: Мы живем в России, но не “россияне”. И в созвездии дружбы хотим излучать свое красочно-неповторимое национальное сияние...» [1, с. 253]. Если абстрагироваться от излишней выпренности слога цитируемого автора, то каков же смысл цитируемого его пафосного утверждения? Кем по гражданской принадлежности, в собирательном смысле таковой, являются все проживающие в «стране России» представители различных этносов? Может быть, в своей наивной простоте журналист хочет вернуть нас к понятию «русские»? Если согласиться с подобной логикой, все жители России должны были бы объявить себя «русскими»: – буряты, татары, евреи, поляки, белорусы, и т. д.! Едва ли нужно доказывать, что это – очевидная нелепость. Но тогда, кто же суть такие все граждане России, и почему, как это за них всех объявляет наш журналист, – они «не россияне»? Последнее уже далеко не забавно, но и, по большому счету, – совершенно возмутительно!

Тот же автор говорит «о насильственном впихивании даже целых народов России в чужеродное американское тело» демократии [1, с. 252]. Однако же, кто вообще установил, что демократия является полным и исключительным синонимом США и американского образа жизни, и разве ничего более не означает? Ведь даже излишне прямолинейная, «заидеологизированная» советская пропаганда до такого никогда не доходила!

И наконец, совсем уже недавно, в местной газете, издаваемой на частные средства и преподносимой в читательской среде как «демократическая альтернатива» существующей официальной прессе, появился своего рода апогей всех подобных скандальных публикаций в местных СМИ в указанном этнокультурном ракурсе. Именно так можно расценить обширный пасквиль, опубликованный газетой «Байкальские вести» в ответ на выпуск в конце 2009 г. (во многом усилиями пишущего эти строки) 1-го тома запланированной для продолжения в дальнейшем документально-исторической издательской серии «Польско-сибирская библиотека» (*далее сокращенно – ПСБ*) [2]. Автор упоминаемого пасквиля предусмотрительно прикрылся псевдонимом, в котором неуклюже симитировал якобы «польские» имя и фамилию. В настоящей статье, для краткости, этот автор далее обозначается инициалами от избранного им самим псевдоимени – Г. Р. [4].

На взгляд пишущего, рассматриваемая провокация Г. Р. в прессе более всего обращает на себя внимание априорно-безосновательным и оскорбительным шельмованием выпуска первой системной, полномасштабной исследовательско-публикационной работы, введшей в русскоязычный научно-культурный оборот относящиеся к Сибири польские исторические источники, прежде совершенно не известные российской общественности (ибо все подобные исторические памятники прежде никогда не переводились на русский язык). Волею обстоятельств объектом открытого публичного наскока Г. Р. оказались и польские авторы указанных текстов, политические ссыльные первой половины XIX в. в Сибирь (по своему дилетантскому неведению, их Г. Р. огульно именует «польскими повстанцами»!).

Тем самым Г. Р. публично совершена беспрецедентная в истории прессы региона попытка дискредитации долгосрочного новаторского научно-публикационного проекта уже на самом начальном этапе его осуществления. Все обструкционистские действия анонима Г. Р. сведены к двум абсурдным субъективным позициям, априорно возведенным им в некие принципы: 1) антинаучному представлению об истории как о наборе произвольно отбираемых и таким же образом толкуемых данных и 2) ксенофобному, дискриминационному отношению к тем персоналиям из истории региона и всему, что с ними связывается, которые имеют польскую национальную принадлежность.

С самого начала Г. Р. отмел от себя соблюдение хотя бы какой-либо профессиональной репортерской добросовестности. Он без обиняков предупредил, что «сразу выносит за скобки содержание книги» и пояснил тут же: «На прочтение этого роскошного и увесистого фолианта требуется определенное время». Цитируемые фразы газетного пасквилянта объясняют, что он отнюдь не тяготеет к чтению книг и дискуссионным размышлениям, к ним относящимся. Совершенно очевидным становится его априорно-категоричное стремление немедленно «заклеймить» своего заочного противника. С этой целью он и высказывает свои «обличительные вопросы». При этом «главный» среди них, как понимает его сам пасквилянт, даже вынесен в заглавие всей рассматриваемой публикации. «Нужны ли Иркутску польские повстанцы?» – задиристо восклицает он. Г. Р. «формулирует» и еще иной свой вопросительный «перл»: «насколько корректно вообще делать из сосланных поляков “наше все”» (sic в тексте! – *Б. Ш.*).

Не говоря уже об очевидной бессмысленности самих по себе подобных «априорных вопросов», тем паче с откровенно осудительным подтекстом таковых, заметим, что задающий их, сам того не замечая, изначально выставляет себя в откровенно нелепом виде. По его же собственному признанию, он не прочел «увесистого фолианта» (т. е. объемного 1-го тома «ПСБ»). – *Б. Ш.*), однако «вопросительными пассажами» выражает заведомые сомнения в целесообразности появления такового! Иными словами, Г. Р. буквально следует логике давно уже ставшей классикой печально-анекдотической сентенции из эпохи советских идеологических судилищ: «Пастернака я не читал, но осуждаю»!

Не имея возможности рассматривать в данном очерке все ляпсусы и абсурды нападок Г. Р., отметим из них лишь особенно характерные. Так, Г. Р.

не понял, что вопрос «За что?» – это и заглавие, и лейтмотив произведения Л. Н. Толстого о драматичной судьбе польского политического ссыльного Мигурского, чьи мемуары впервые переведены на русский язык и помещены в выпущенном томе новой серии. Как истинный дилетант, он именует Мигурского «повстанцем», хотя в сибирской ссылке тот был, отнюдь, не за участие в восстании, подобно остальным авторам мемуарных произведений, включенных в указанный том. Г. Р. ошибочно вообразил, что возмущившее его вопрошание принадлежит историку Б. С. Шостаковичу, и он взялся «распекать» последнего в негодующих тирадах: «Ни в одной стране мира историкам и в голову не придет упрекать своих правителей прошлого за то, что [...] расправлялись с сепаратистами, [...] и походя проклинать “бесчеловечную и жестокую политику Российской Федерации” (sic в тексте! – Б. Ш.). Парадоксально, но высказываемые Г. Р. претензии по их сути (вопреки личному неведению самого критика) обращены к великому классику русской и мировой литературы, естественно, не нуждающемуся в какой-либо защите от примитивных нападок «обвинителя». Пасквилянту можно лишь посоветовать поближе познакомиться с биографией Льва Николаевича и узнать, что в свое время тот понюхал порошу как боевой офицер, в том числе и на Кавказе. Но это его, отнюдь, не озлобило. Он не ударился в столь близкий сердцу Г. Р. шовинизм, притом же сумел проникнуться психологией и духом патриотизма борцов за независимую Польшу!

Так неожиданным образом демагог от публицистики Г. Р. вместе с его тайными вдохновителями садятся в калошу в классическом источниковедческом разделе польско-российского, сибирского исторического наследия и только что и могут, – опозлить его спекулятивными кривотолками, вплоть до прямолинейных уподоблений современным политическим реалиям. При этом, разумеется, никакие действительно серьезные исследовательские проблемы исторического социо- и этнокультурного анализа им и в голову не приходят. Насущные задачи заполнения лакун в отечественных источниковедении и историографии сибирско-польской истории категорически не укладываются в «прокрустово ложе» вненаучных догм по поводу истории и культуры, упрямо толкуемых Г. Р. в категориях «нужности» и «ненужности», «нашестьи» и «ненашестьи». Нетрудно заметить, что с позиций конъюнктурно-«казарменного патриотизма» Г. Р. не воспринимается сколько-нибудь адекватно в научном отношении неординарная историко-культурная проблематика. Вместо того, чтобы попытаться непредвзято в нее вникнуть, Г. Р. в манере воинствующего невежества начинает с гневных «ответей» всему, с чем он, в сущности, элементарно не знаком. В том же духе ведется им и доморощенная пропаганда некоего «кодекса поведения историка». В наши дни подобная проповедь, к тому же еще и в стилистике напористой нравоучительности, невольно придает словам Г. Р. гротескно-пародийный оттенок. «Патриот», не прочитавший критикуемую им работу, не говоря о том, чтобы разобраться в ее смысле, высокомерно поучает: «Профессия историка ко многому обязывает. Историческая наука [...] должна содержать обязательную воспитательную составляющую». [...] Трудно не поддаваться соблазну быть изданным, да еще в

таком формате [...] Приятно слышать о себе как об ученом международного уровня. Но (и тут Г. Р. высказывает свой «коронный аргумент» – *Б. III.*), по моему глубокому убеждению, историк должен быть государственным, тем более – служащий в государственном университете».

Весьма показательно, что «государственник» для Г. Р. – вовсе не означает творчески мыслящего «ученого международного уровня», но – того, кто «должен быть» послушным проводником некой изначальной «государственной задачи». В представлении Г. Р. историческая наука «должна содержать (выделено мною. – *Б. III.*) обязательный воспитательный» компонент. Здесь автор настоящего очерка не может не уточнить, что первый том начатой им и его коллегами серии, как и намечаемые последующие, – изначально призваны расширить культурный кругозор добросовестных читателей в затрагиваемом начатым изданием тематическом русле, а значит, – способствовать воспитанию последних в русле интеллигентности, эрудированности, толерантности. Но ведь вполне очевидно, что серьезный историко-содержательный и морально-воспитательный потенциал новых знаний не может быть ни востребован, ни воспринят в отсутствие у подобных Г. Р. «потенциальных воспитуемых» хотя бы первичных культурных навыков, в частности, при их явной нелюбви к чтению!

Публичная атака Г. Р. на новый научно-издательский проект поражает озлобленной национальной нетерпимостью и открытой пропагандой некой тоталитарно-«государственнической» идеологии. Своими практическими действиями пасквильянт Г. Р. наглядно продемонстрировал, насколько на самом деле далек от им же провозглашенной «воспитательной составляющей исторической науки». Его априорные, ожесточенные нападки на так и оставшийся ему неизвестным 1-й том «ПСБ» (в действительности таковой содержит целый комплекс новых, прежде недоступных российскому читателю источников из истории отечества, переведенных на русский и комментированных по всем научным правилам), – опровергают все его ходячие морализаторские рацеи. Выступив в неблагоприятной роли борца со знаниями, Г. Р. еще и проявил себя как столь же малопочтенный фальсификатор общеизвестного исторического материала, чему дал в пасквиле немало примеров!

Как можно видеть из проанализированных в статье фактов, в общественной жизни региона обнаруживается все больше случаев извращений и фальсификаций местными ура-патриотами, шовинистами разных мастей подлинного полиэтничного и поликонфессионального контекстов как в историческом прошлом, так и в современности Сибири. При этом в основном атаки такого рода сосредоточиваются вокруг вопросов о роли и месте в Сибири выходцев из исторической Речи Посполитой (в просторечии – Польши), а также – проблематики современного продолжения и развития российско-польских связей [9].

Во всем отмечаемом автор статьи усматривает не просто сугубо негативную, но и крайне опасную тенденцию, чреватую много более сложными последствиями в широких общественных ракурсах – политико-социальном, национально-идейном, научно-культурном. Таким образом, исследователь

ситуации в этнокультурной общественной сфере региона *вынужден констатировать нарастающие проявления экстремизации и фашизации общества Приангарья, выражаемые в местных СМИ через пропаганду экстремистов, укрывающих свои подлинные имена, – шовинистских, ксенофобных настроений, недвусмысленных подстрекательств к разжиганию национальной розни.*

Особое сожаление вызывает то обстоятельство, что потенциальные противники подобной идеологической парадигмы избегают сколько-нибудь принципиальных оценок приводимых фактов, а тем более, – не дают им целенаправленного, внятного отпора. С точки зрения автора данной статьи, указанное обстоятельство нуждается в самом серьезном научно-теоретическом и практическом осмыслении и конструктивных выводах.

В свете изложенного выше автор данной статьи усматривает насущную необходимость в противопоставлении отмеченной деструктивной тенденции активизации научно обоснованных, объективных исследований существенных вопросов сибирско-польской истории, совмещаемых с параллельным широким информированием общественности об их результатах. В данном контексте вполне естественным становится возрастание актуальности вопросов, длительное время рассматриваемых в историографии в сугубо теоретико-академическом ракурсе.

Ныне они приобретают совершенно новую содержательную актуальность в качестве объектов специальных исследований. Ниже попытаемся обозначить и аннотировать наиболее существенные среди них.

1. Комплексное направление исследований: «Сибирско-польская история как интегральный системный политематический компонент истории Зауральской России (Сибири)».

Становится очевидным, что сибирско-польская история и до сих пор далеко не всесторонне исследована в научном отношении, а тем более, – недостаточно объективно освещается. В частности, многократные напоминания автора данной статьи о назревшей необходимости активизации заполнения многих белых пятен этой обширной части истории Сибири, в том числе развенчания мифов и живучих идеологем прежних эпох [9], пока еще находят слабый отклик у исследователей. Нередко и ныне эта проблематика толкуется в русле устарелых клише.

Так, в частности, нуждается в корректировке целый комплекс проблем в русле темы 1.а) – «Историческая специфика и динамика польского контингента в Сибири в прошлые столетия». Поныне отсутствуют однородные количественные данные о численности последнего, как и представления о специфике исторической динамики изменений указанного состава и о его численности. То же относится и к пропорциям соотношения в историческом контингенте политических ссыльных участников ряда польских освободительных восстаний и представителей иных оппозиционных польских групп и организаций, и тому подобные закономерные вопросы.

Существует очевидная необходимость освещения и характеристики с современных научных позиций процессов подготовки и осуществления выступления политссыльных, занятых на сооружении Кругобайкальского ко-

лесного тракта; идеологической мотивировки организации так называемого Акатуйского протеста; основных характерных тенденций так называемого Омского заговора, и т. п. Все указанные вопросы концентрируются в русле темы 1.б) – «Политико-оппозиционная деятельность поляков, сославшихся в Сибирь в 30-х – 60-х годах XIX века».

Заслуживает проявления серьезного внимания к научной разработке и популяризации (с составлением и изданием соответствующих словарей для русскоязычной читательской общественности) тема 1.в) – «Персоналии поляков, внесших свою значимую лепту в историческое развитие Сибири и отдельных ее регионов».

2. Особо актуальной составляющей в рамках всей польско-сибирской исторической проблематики ныне является системное исследование и опубликование в переводах на русский язык названного многообразного комплекса источников, связанных с историей пребывания и деятельности в Сибири выходцев из областей исторической польско-литовской государственности (Речи Посполитой). Рассмотренный выше публицистический демарш Г. Р. убеждает в необходимости активизации продолжения и максимального расширения широкого комплексного научно-публикационного проекта – «Польско-сибирское источниковое наследие и его введение в отечественный научно-культурный обиход».

Именно то агрессивное неприятие и сопротивление, каковое вызвало у Г. Р. данное общественно-культурное и научно-издательское начинание (от лица неких укрывшихся за его спиной сил, солидарных в аналогичном восприятии последнего), означает инстинктивный страх указанных оппонентов перед распространением объективной исторической информации, что безусловно способствовало бы реальному краху столь рьяно ими пропагандируемых ксенофобных, национально-дискриминационных догм и табу. Подобная тенденция не может и не должна игнорироваться научной и общественной средой, оставляться ею без ответного внимания и соответствующих выводов. Нет сомнения в том, что только расширение системных разработок в указанной области при последовательном обстоятельном знакомстве общественности с соответствующими их результатами явится серьезной гарантией предотвращения в дальнейшем рецидивов мракобесных вылазок реакции, подобных рассмотренным демаршам анонимных служащих сферы массмедиа.

3. Представляется совершенно необходимым в рамках официальной гуманитарной подготовки как школьников, так и студенчества изучение ими не только лишь «Основ православия» (как это предлагается в стандартных проектах для школ и высших учебных заведений), но также и основной сущности мировых конфессий и иных религиозных течений, распространенных в регионах Сибири. В этой же связи крайне важно введение в качестве общеобразовательного предмета (и соответствующего по нему пособия) о специфике этнического состава сибирского населения и об истории его формирования.

4. В свете обнаруживаемых в целом ряде новейших публикаций в местных СМИ шовинистских трактовок национально-исторической и конфессио-нальной тематики, становится крайне актуальной активизация исследова-

тельского направления, которое может быть условно сформулировано как «Социально-исторические механизмы национально-патриотического мифотворчества и идеологизации “конструирования” этно-конфессиональных идентичностей».

5. Немаловажное значение имеет и тема «Национальные культурные центры в Сибири». Речь идет о том, что сама природа и характер развития национально-культурных процессов в современных условиях развития сибирского региона нуждается, на наш взгляд, в самом неотложном, серьезном, комплексном научном исследовании, анализе и обобщении.

Подчеркнем, что отмеченный выше ряд исследовательских тем – отнюдь не исчерпывающий. По мере появления новых тенденций в духовно-культурной структуре полиэтничной среды постоянного населения постсоветской Сибири их перечень может пополняться. Специалистам предстоит, по мере возможности, проведение взвешенного и объективного мониторинга таковых. Автором данного аналитического обзора в момент его завершения был выявлен в ресурсах Интернета получивший дальнейшее распространение комплекс публикаций откровенно шовинистского толка в рассматриваемом тематическом русле. Автор намерен посвятить отдельный новый очерк целенаправленному разбору последних.

1. *Беляев А.* Национальное самосознание – берегиня народа // Созвездие дружбы. – [Иркутск], 2006. – № 2. – С. 252–253.

2. *Воспоминания из Сибири:* Воспоминания, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия. – Иркутск : ООО Артиздат, 2009. – 721 с. – («Польско-сибирская библиотека». Т. 1).

3. *Дятлов В. И.* Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске) / В. И. Дятлов. – М. : Наталис, 2000. – 190 с.

4. *Рачковский Герман.* Нужны ли Иркутску польские повстанцы? // Байкальские вести. – 2010. – 22–24 марта (№ 19). – С. 9.

5. *Степанов А.* Обойдемся ли без Минина и Пожарского? // Русский Восток. – 2000. – № 2.

6. *Татаринцев М.* Польские вопросы // Вост.-Сиб. правда. – 2008. – 29 мая.

7. *Тиранский В.* Генеральный консул Польши в Иркутской области встретился сегодня с иркутскими журналистами // Новости СейЧас / ТелеАИСТ. – 2008. – 6 июля.

8. *Шибанов Д.* Формат общения // Вост.-Сиб. правда. – 2009. – 18 июня.

9. *Шостакович Б. С.* «Сибирско-польская» история: современный взгляд на содержание, задачи изучения и популяризации // «Сибирско-польская история» и современность: актуальные вопросы : сб. материалов Междунар. науч. конф., Иркутск, 11–15 сент. 2000 г. – Иркутск, 2001. – С. 28–36.

10. *Шостакович Б. С.* Такой формат общения нам всем не нужен! / Б. С. Шостакович, Е. Э. Вржац // Вост.-Сиб. правда. – 2009. – 5 авг. (№ 117). – С. 2.

The Media in Priangarie in the Early XXIst C. and a Tendency Elicited in the Course of Revision of the Process of Formation and Development of the Polish Ethnic Component in the Region: Immediate Tasks of Scientific Analysis

B. S. Shostakovich

Irkutsk State University, Irkutsk

For the first time in the historiography the article offers an analysis of works published in the media of Priangarie within 2000–2011 on the issues of the Siberian-Polish history that contain both chauvinistic interpretations of the latter and unconcealed orientation on falsification and reconsideration of its fundamentals. Due to the indicated context it emphasizes the increasing urgency of the issues that have been studied by the historiographers for a long time as peripheral, theoretical and academic problems. Today they have acquired completely new intensional significance as the objects of specific theme researches. The article reveals and comments briefly the 5 major research trends as well as a number of internal sub-themes within the latter ones.

Key words: media, Priangarie, Siberian-Polish history, Polish ethnic component of the population of Siberia, tendency elicited in the course of revision of history of formation and development of Polish ethnic groups included in the population of Siberian regions.

Шостакович Болеслав Сергеевич – доктор исторических наук, кафедра мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, 664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, тел. 89501370555, e-mail: bolirshos@mail.ru

Shostakovich Boleslav Sergeevich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of World History and International relations, the Irkutsk State University, 664025, Irkutsk, Chkalov St., 2, phone 89501370555, e-mail: bolirshos@mail.ru